

Е.Ю. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

ОТЦОВСТВО: ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ТРЕНД ОТ «ОТЦА» К «ПАПЕ»?

В статье рассматривается социальный феномен отцовства сквозь призму трендов в европейской дискуссии о роли отца в семье и эмпирических исследований отцовства. Автор выбирает немецкий культурно-исторический контекст как наиболее близкий российскому (пережитая эпоха тоталитаризма, распространенность феномена отсутствующего отца, социалистическое наследие). Как на уровне парадигм, так и на уровне эмпирических репрезентативных данных, качественных типологий обнаруживается сдвиг в структурах традиционного отцовства в сторону его либерализации, более широкого вовлечения отцов в повседневные практики взаимоотношений с детьми. Автор полагает, что именно «новое», либерализованное, отцовство потенциально противостоит идеологии гегемонической маскулинности, как сфера не только власти и ответственности, но и гетеросоциальности, внеерхичности, сопереживания, игры, эмоций.

Ключевые слова: отцовская роль в семье, отцовские практики, «новое отцовство», дифференциация отцовских моделей, социальный ангажемент отцовства, либерализация отцовства

I alternately felt myself victim and hero.
In fact, of course, I was simply husband and father.
Paul Theroux. Poetry Lessons

Эмпирическое знание о социальной практике отцовства довольно скудно. В гендерных и фамилистских дискуссиях стало общим местом упоминание об отсутствующем отце, что сочетается с отсутствием исследовательского интереса к данному объекту. Отчасти это свидетельствует о феминизации как семьи, так и фамилистики в целом. Достаточно распространен сюжет о «хорошей матери», разработанный Элизабет Бадинтер, Ивонн Шютце [3, S. 38], но отсутствует семантика хорошего отцовства. Более того, тема отцовства маргинальна и для направления

Рожественская Елена Юрьевна — кандидат философских наук, профессор кафедры анализа социальных институтов факультета социологии ГУ-ВШЭ, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. **Адрес:** 117219, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5. **Телефон:** (499) 128–86–18.
Электронная почта: rusica@isras.ru

men's studies, по мнению Деборы Лаптон и Лесли Барклай [22]. Но это оправданно, если вслед за Пьером Бурдые [5, S. 203] усматривать суть маскулинности в «серьезных конкурентных играх», которые мужчины разыгрывают между собой, или, по Майклу Киммелу, в первичной гомосоциальности [18, p. 7].

В фокусе этой статьи — вопросы о современном отцовстве. Отличается ли теперешний мужчина-отец от своего отца, который воспитывал его лет тридцать назад, изменились ли представления мужчин об отцовской роли, остается ли прежним содержание отцовских практик, каков сегодня дискурс отцовства в обществе в целом? Последний аспект — развернутая публичная дискуссия в обществе — важен тем, что дискурсивно оформляется социальный заказ на ту или иную конфигурацию родительства, озвучиваются опасения по поводу дефицитных родительских ролей, легитимируется профиль социальной политики, призванной компенсировать разрыв между реальным и желаемым на уровне как государственных потребностей, так и жизненных целей граждан.

Мы обратимся к европейскому, а точнее, к немецкому социально-культурному контексту, чтобы рассмотреть ту часть родительской культуры, которая достаточно редко выступает в качестве исследовательского объекта в отечественной социологии, — отцовство. Отцовство сокрыто под понятием родительства в целом, де факто подразумевающим материнство. Собственно, почему была выбрана Германия? Как и Россия, это страна с тоталитарным и военным прошлым. В послевоенное время типичным фактором, формирующим биографию, в обеих странах был феномен «отсутствующего отца». Дискурсивное поле дебатов о «невидимом отце» в 1950–1960 годах XX века формируют работы франкфуртцев Адорно, Фромма, Хабермаса (сюжет об авторитарной личности и эрозии авторитета мужчины в обществе и семье), а также знаменитая работа Александра Митчерлиха [26] о пути к «беспাপному» обществу. Немецкая исследовательница Илона Остнер, анализируя периодику, упоминает о дискурсивной связи между отцовством и нацизмом, проявляющейся в конфликтах отцов и сыновей и в бунте 1968 года [28]. Она ссылается на работу Кристиана Гамперта [11], который описывает, как в глазах сына падает авторитет отца и обесценивается все, что связывает того с периодом нацизма. Другой контекстуальный аспект — тематизация отцовства в связи с важными событиями середины 1960-х: Франкфуртским процессом 1963 года, который документально зафиксировал признания в ответственности за Холокост и имел огромное значение для диалога о «немецкой вине» отцов и детей, и молодежными протестами 1968 года, вменявшими в вину поколению отцов слепое повиновение властям. Эти события общественной жизни требовали самоопределения, радикально

меняли поколенческую картину мира. Наконец, еще один момент, сближающий российский и немецкий контекст анализа отцовства, — отход от социалистической системы, патерналистской по отношению к семье и тем самым отчасти узурпирующей символическое значение отцовства и поддерживающей модель отца-кормильца. Падению Берлинской стены и объединению страны предшествовали широкие дискуссии о последствиях этого слияния, в том числе об опасностях долговременных эффектов социализации в системе дошкольного образования ГДР. И хотя материалы анализа отцовских практик бывших «восточных» и «западных» немцев этих опасений однозначно не подтверждают, косвенно об их обоснованности свидетельствует более высокий уровень неонацизма в восточных землях. Наконец, еще одно общее для России и Германии обстоятельство — наследие социальной политики, дискриминировавшей фигуру отца. Эта политика разнилась в Восточной и в Западной Германии, однако имела место и там и тут. Как отмечает И. Остнер, на востоке в фокусе социальной политики была возможность совмещать материнство и занятость, при этом маргинализировались женатые, разведенные или сожительствующие отцы. Западный режим обслуживал в первую очередь мужчину-кормильца и давал привилегии мужьям и отцам-супругам, но неженатые отцы также маргинализировались [28].

Итак, на фоне общественной дискуссии, высветившей символическое значение отца в немецкой социальной истории XX века, на контрастах социальной политики, по-разному дискриминировавшей отцов в восточных и западных землях, но в еще большей степени — на фоне второго демографического перехода¹ с его низкой рождаемостью, конкурентной моделью гражданского брака и доминирующей моделью двойной занятости в семье возник феномен либерализованного отцовства, отчасти как не очень распространенная практика, но более как социальная гендерная потребность. Ее амбивалентный характер отражают цифры опросов общественного мнения. Так, по данным Немецкого института молодежи², почти половина мужчин до 45 лет считают, что «можно счастливо жить и без детей». В то же время 90% бездетных молодых (до 33 лет) мужчин хотели бы иметь детей. Похоже, с возрастом уверенность в том, что можно совмещать работу и семью с детьми, тает, наталкиваясь на институциональные рифы. Кстати, на российском материале сравнительного

¹ Концепция второго демографического перехода (Р. Лестэр и Д. Ван де Каа) дает объяснительную модель тенденции снижения рождаемости ниже уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения.

² «От потенциального к реальному отцу», опрос по заказу фонда Бертельсман [45].

европейского исследования семьи была выявлена аналогичная амбивалентность мужского / отцовского сознания [34], номинальная готовность участвовать в отпуске по уходу за ребенком как институциональной отцовской практике, но нереализуемые условия согласия (например, сохранение прежней зарплаты или возможность подработки) фактически дезавуировали саму идею.

В конце 1970-х — начале 1980-х годов в Германии стали появляться работы социологов, психологов и журналистов на тему «нового отцовства». Затрагиваемые в них вопросы касались конфликтов, возникающих в ситуации отсутствия ролевой модели отца и наличия образов альтернативного отцовства. Дебатировался и сюжет отцовской компетенции: «Обладает ли “новый отец” специфически мужскими качествами или он представляет собой лишь несовершенную имитацию матери?» [37, S. 152]. Десятилетием ранее психологи тестировали готовность будущих новых отцов сопереживать беременности, быть родителями в зависимости от участия в подготовке к рождению ребенка, изучали характеристики специфической интеракции между отцами и младенцами. Поэтому комплекс поднимаемых задач и вопросов носил уже не стигматизирующий характер общественного осуждения, а отражал интерес к поведению и эмоциям мужчин, обретающих отцовскую идентичность. Хотелось бы подчеркнуть роль, которую сыграла в таком повороте профессиональная журналистика, подстегнувшая общественную дискуссию³. Так, в 1979 году журналистка Рут Мартин опубликовала книгу «Отцы вне игры. Мать и ребенок в бесплодном обществе», вновь обратившись к бестселлеру А. Митчерлиха. Но ее призыв к немецким отцам не оставаться в стороне содержал перспективу ренессанса семьи: «В игре и воспитании детей есть много того, что скудно представлено в профессиональной жизни, — потребности в творчестве и самовыражении, спонтанности, сопереживания» [24, S. 40]. Десятилетие спустя работа Вернера Шнайдера о шансах и рисках новых отцов однозначно утверждала, что «отцы, в сотрудничестве с матерями, вносят *специфический* вклад в социализацию своих детей» [37, S. 152].

Но развитие дискурса о новом отцовстве затормозил интерес к иной теме — проблеме совмещения семьи и занятости женщинами, хотя, безусловно, существовало и «отцовское» измерение той же проблемы. Лишь 20 лет спустя социологи Клаудиа Борн и Хельга Крюгер в своем многолетнем анализе гендеризованного глобализованного рынка труда придут к важному выводу, что «существующая структура лишь постольку

³В отечественной дискуссии в свое время подобную роль сыграла популярная статья демографа Б. Урланиса «Берегите мужчин!», опубликованная в 1968 г. [1].

учитывает измененное отцовство, поскольку оно не затрагивает доступности мужчины рынку труда» [4, S. 138]. Если бы эта доступность оставалась неизменной, можно было бы констатировать широкую ретрадиционализацию родительских ролей. Но Кристоф Попп в своем почти трехлетнем эмпирическом исследовании «Отцы выигрывают» утверждает, что «у отцов имеется специфическая проблема совмещения профессии, семьи, партнерства, образовательных и карьерных планов, давления модели успеха, социальных клише, средовых ожиданий и проч. У большинства отцов необходимое для ролевой и Я-рефлексии время теряется в “повседневном беге в колесе”» [32, S. 6]. Так или иначе, но обозначенные проблемы совмещения говорят о том, что имеется как минимум желание совмещать, а вопрос об «объеме и содержании отцовства» зависит не только от взглядов на отцовскую роль в обществе, но и от реальных возможностей ее исполнения, включая ситуацию на рынке труда. И в этом смысле обескураживающе выглядят данные актуальных опросов общественного мнения, о которых сообщает Хайнц Вальтер [43]. Речь идет о парадоксе: большинство молодых мужчин, как, собственно, и молодых женщин, планируют в будущем удачно совмещать профессиональную деятельность и семью, но конкретные представления о реализации связаны только с профессией, то, что касается семьи и партнерства, тонет в неопределенности. В этой статье мы не будем касаться дебатов о европейских вариантах реализуемой политики WLB (work and life balance⁴). Углубленный анализ результатов эмпирических исследований отцовства решает первоочередную задачу — выявление меры его реализации и внутренней типологической дифференциации.

Современные представления молодых мужчин об отцовстве

Согласно результатам DJI-Bertelsmann⁵ исследования «Пути к отцовству» мужчины в возрасте от 15 до 42 лет прежде всего видят себя ответственными за финансы в семье (N=1803) [45]. Гарантированное рабочее место и доход — основа формирования семьи. Относительно высокий на фоне распространенной в немецком обществе идеологии равных прав и возможностей процент опрошенных считают, что ребенок должен появиться лишь тогда, когда они смогут прокормить семью (52%). Более того, 38,7% полагают, что если жена и работает, мужчина все равно должен

⁴ Концепт баланса жизни и труда (WLB) стал популярной доктриной в литературе постмодерного мира занятости. Этой теме был посвящен один из выпусков журнала «European Societies» за 2006 г. [14, 15, 21, 23].

⁵ DJI — Немецкий институт молодежи, Bertelsmann — благотворительный фонд концерна Бертельсман.

быть основным кормильцем. Заметно, что самоопределение отцовства зависит от взглядов на гендерное распределение ролей в семье, что это «отношенческий» (relationship concept) конструкт. В этом исследовании, против ожиданий, молодые мужчины демонстрируют скорее критическое отношение к эгалитарным ролевым моделям: 47,8% за классическое «муж работает, жена занимается детьми», причем чем выше уровень образования, тем выше уровень эгалитаризма, чем моложе опрашиваемые, тем традиционнее их установки. Как же выглядит муж-кормилец в глазах молодого поколения? Он должен обеспечивать семью жильем, зарабатывать деньги для ее пропитания, заботиться о надежной работе и доходе, позднее (с появлением ребенка) — находить время и общаться с ним. 40% молодых мужчин выражают желание, став отцами, сократить объем занятости, вплоть до отказа от карьеры, однако, по данным официальной федеральной статистики, после появления первого ребенка мужчины, как правило, работают даже больше. В этом противоречии — желании большей вовлеченности в общение с ребенком, но без ограничения профессиональной занятости, Михаэль Матцнер усматривает характеристику «современного / современного кормильца», фактически подвигающего жену к уступкам в профессии и выбирающего вторые роли в домашнем труде [25].

Другой важный вопрос, подлежащий эмпирической проверке, — хотят ли молодые мужчины обзавестись детьми, в каком возрасте и при каких условиях. В рамках уже упомянутого исследования DJL-Bertelsmann сделан важный вывод: молодые люди хотят детей и при этом желают стать отцами раньше, чем представители предыдущего поколения. Оптимальным возрастом для отцовства почти половина опрошенных (47,6%) полагают 25–28 лет, около трети (31,7%) — 29–32 года. При каких же условиях реализуемо это желание относительно раннего для Германии отцовства, если учесть, что треть немцев в возрасте от 35 до 40 лет бездетны и 25% остаются таковыми длительное время [35], а первым ребенком немцы-мужчины обзаводятся в возрасте от 29 до 33 лет [45]? Поскольку отцовство понимается как ответственность и забота о семье, молодые мужчины готовы к нему, если выполнимы следующие условия: надежное партнерство (66,1%), гарантированный доход (58,9%), стабильная профессиональная позиция (56,6%). Очевидно, что специфика рынка труда (высокий риск безработицы, долгая учеба, негарантированный профессиональный старт и как следствие — долгая экономическая зависимость от родителей) вновь на институциональном уровне препятствует реализации желания более раннего отцовства.

Не менее важен вопрос, в какой степени участие отцов в воспитании детей зависит от ряда стратификационных условий: социально-классовой принадлежности, регионального контекста, возраста и количества детей.

Анализ эмпирических данных (исследование У. Шмидт-Дентер [36]) выявил следующие зависимости. Чем выше социальное положение, тем более ангажированные отцы. Самый высокий отцовский вклад в воспитание детей — в больших городах, самый низкий — в сельской местности. Молодые отцы принимают значительно более активное участие в уходе за младенцами и маленькими детьми, чем старшие (от 33 и выше). Наконец, чем меньше количество детей в семье, тем больше отцовского участия. Данные результаты находят свое подтверждение в работах М. Петцольда [29, 30].

Эти эмпирические данные, с одной стороны, говорят о преемственности восприятия феномена отцовства молодым поколением, с другой — они свидетельствуют об определенных подвижках, как минимум, либерализации отцовства и более ранней готовности к нему. Но что остается недоступным для анализа данного типа, так это образы отцовства в их динамике. Актуальная научная дискуссия по поводу содержательной стороны социального феномена отцовства, его типологии, вырастающей из галереи образов, могла бы в концентрированном виде выглядеть следующим образом:

В центре не только немецких, но и международных дискуссий, по Р. Сьарду и Р. Рихтеру, вопрос: есть ли отцовство и какое оно [39]. Подпитывает эту дискуссию, разумеется, острая демографическая ситуация, перспектива стареющего общества и поиски отцовской роли в вопросах воспитания в семье.

В исследованиях В. Фтенакиса [9] аргументируется точка зрения, что современные отцы на практике уже обладают большим временем и пространством для реализации своей роли. По мнению Д. Томэ [42], отца как такового нет, есть возникшие и сосуществующие разнообразные социально-культурные образцы и образы отцов.

Отслеживание меняющихся образов отцовства в европейской культурной практике дает основания для дифференцированной «отцовской политики», которая призвана учитывать различные социальные формы отцовства и поэтому способна заботиться и о его содержании. Собственно отцы больше не должны и не хотят быть «вечными практикантами в приватном мире», в интерпретации М. Хофера [16].

По экспериментальным данным К. фон Клитцинга⁶ [19], возможно концептуализировать «триадическую способность» отца и матери (ребенок

⁶ К. фон Клитцинг в своих интервью с родителями анализировал структуру их фантазий о жизни втроем, связывая эту раннюю триадическую проекцию с постнатальной готовностью прежде всего отцов интенсивно участвовать в интеракции мать — дитя — отец. Но откуда, вследствие каких практик возьмется эта способность отцов к ранней вовлеченности в интеракцию родители-дети, остается неясным.

включается в структуру фантазий о будущем семьи, не вытесняя партнера матери по отношениям). Это дополняет известную концепцию Н. Чодороу о первичной диаде «мать и дитя», лишь впоследствии вырастающей до триады с появлением отца как эмоционально и социально значимого персонажа [2].

Эти направления дебатов об отцовстве в целом говорят о мультипликации отцовства, о его социальной дифференциации. Соответственно среднестатистическому отцу, несмотря на общий лейтмотив ответственности, невозможно вменить единый кодекс поведения и набор обязательств. Очевидно, что обращение к исходным моделям отцовства и их последующей дифференциации в немецком культурном контексте позволит осознать, в какой мере в тех или иных современных типах отцовства, имеющих специфические социальные профили, присутствует идеологический конструкт.

Как утверждает Андреас Ланге (и после работы Энгельса «О происхождении семьи, частной собственности и государства» нет оснований ему не верить), постепенно накапливалась дифференциация отцовских моделей из патерналистского дискурса патриарха как главы домохозяйства, властного авторитета семейной группы [20]. В итоге в кайзеровской Германии выкристаллизировались три модели отцовства, сохраняющие отчасти и сегодня свое влияние [12, 33].

Три типа постпатриархатного отца можно представить в следующих портретных характеристиках.

Традиционный отец мало заботится о детях, их возвращение и воспитание в ведении матери; он вторгается в процесс воспитания строго по необходимости и по нынешним меркам злоупотребляет рукоприкладством. На первом плане — ответственность за материальное обеспечение семьи, после работы артикулирует потребность в отдыхе и покое. С детьми общается редко, сводя общение к ритуальным совместным выходам в церковь по воскресеньям или редкому совместному досугу. В итоге формируется жесткое гендерно обусловленное разделение труда в семье и дистанцированность отца по отношению к детям.

«Социал-демократичный» отец очень интересуется развитием и повседневной активностью детей, ведет с ними беседы, заботится о школьных успехах, в целом детоцентричен. Таких отцов отличает внешняя социальная активность, участие в различных союзах и партиях, наличие социальной сети контактов — отсюда и название этого типа. Осознанно выбирают школы типа Монтессори, вальдорфских. Соответственно, дети привлекаются отцом к социальной активности и приучаются к социальной критике.

Мелкобуржуазный, индивидуалистичный отец поддерживает интенсивные контакты в контексте расширенной семьи, но мало ангажирован внутри собственной семьи. Социальный взлет детей — твердая цель, их друзья должны соответствовать этой цели. Забота о внешнем имидже семьи в глазах общественности. Успешная карьера и судьба членов семьи — страсть отцов этого типа.

Вследствие сохраняющейся социально-стратификационной базы эти типы обнаруживаются и в современных практиках отцовства. В работе А. Ланге утверждается, что здесь наблюдаются две явные противоположные тенденции: с одной стороны, присутствует опора на традиционные ценности — ответственность и обязательства, а с другой — фиксируется движение в сторону усиления отцовского ангажемента в соответствии с запросом общества [20].

Дифференциация постпатриархального отцовства в немецком культурном контексте в эмпирических реконструкциях М. Мацнера [25], Х.-В. Гумбингера и А. Бамби [13] дает уже более разнообразную картину, ибо отражает многообразие практик, деинституционализацию жизненного пути, принятие индивидами рисков и преимуществ индивидуального биографического проекта.

Пожалуй, самым узнаваемым и воспроизводимым в этой галерее типов отцовства является традиционный отец *кормилец* (breadwinner). Он ориентирован на рождение детей, но при этом отцовство нерелексивно, доминирует воспроизводственная функция отцовства и роль кормильца семьи. Родительство воспринимается как дополнительная деятельность в контексте гендерного разделения труда с естественно понимаемыми различиями между мужчиной и женщиной. В повседневности традиционный отец не стремится к ответственности, совместным играм и разговорам с детьми, общим событиям и переживаниям. В полной мере традиционное отцовство раскрывается через предоставление материальных ресурсов и защиту семьи.

Модерный кормилец, уже упомянутый выше в контексте исследования К. Церле и И. Крок [45], наряду с классическими функциями обеспечения и защиты в повседневности исполняет роль отца, которому удается построить тесные, хорошие отношения с детьми. Но при этом основная ответственность за уход и воспитание детей, равно как и домашний труд, лежит на жене. Отцовская функция, вполне в духе Т. Парсонса, первично направлена на будущее детей; при этом, в силу дефицита времени у интенсивно работающих отцов, здесь редки повседневные интеракции с детьми, игры и беседы, спонтанность чувств.

Релексивного отца (термин С. Уильямса [44]), обнаруженного среди нетрадиционных отцов, которые намерены стать больше, чем только

кормильцами, отличает попытка индивидуального пересмотра отцовской роли. При этом важную роль здесь играет собственный биографический опыт: дети отсутствующих, дистанцированных, рестриктивных, холодных отцов сами хотят стать иными отцами. Уточняется, что данный тип «реактивного» отцовства сильно завязан на соответствующие социально-экономические условия.

Наименование следующего типажа — *der ganzheitliche Vater* — трудно перевести на русский язык: *целостный*, комплексный, тотальный, заменяющий мать, «пама». Для него отцовство — нечто особенное, наступает не спонтанно, а в результате осознанного решения и вследствие этого приобретает черты важного жизненного проекта. Этим данный типаж отличается от традиционного и модерного кормильцев. Содержанием отцовства становится, прежде всего, интенсивное присутствие, предметная ответственность и участие в повседневной жизни ребенка и семьи в целом. Целостный отец понимает себя как активного отца, разделяющего и проживающего со своей семьей повседневность, то есть выступает за разделенное родительство. Очевидно, поэтому здесь сложно найти гендерное разделение труда отца и матери: от обоих ожидаемо равноправное участие в быту и семейной жизни.

Эгалитарный отец во многом схож с предыдущим типажом, но при этом делит обязанности по обеспечению семьи и воспитанию детей с партнершей 50х50, в интерпретации М. Бюргиссер [6]. Этот тип отцовства находит большой отклик у детей, поскольку сулит большое разнообразие в повседневности. Детей приводит в восторг, если отец выполняет вместе с ними разные домашние задачи и перенимает у матери бытовые компетенции, в том числе кулинарные. Стоит обратить внимание, что эгалитарного отца сопровождает партнерша, уверенная в своей роли эгалитарной «кормилицы», обеспечивающей семейный бюджет 50х50.

Генеративное отцовство (Д. Доллахайт, А. Хавкинс, С. Бразерсон [7], В. Фтенакис [8]), в отличие от упомянутых выше типов отцовства, выходит за рамки социальных практик — это инстанция совета и направления, расширения горизонта знаний и интересов ребенка. Генеративное отцовство включает обеспечение здоровья и благосостояния детей, заботу об их отдыхе, личностном и духовном развитии, работу по формированию и трансляции смыслов (в том числе и религиозное воспитание), поддержание полезных для ребенка в будущем социальных контактов, рассматриваемых как социальный капитал.

Эта типология, коль скоро задачу ее изучения простимулировал дефицит отцовского влияния в современном обществе, была бы неполна без такого типажа, как *отсутствующий отец*. Обратимся к классической

модели отсутствующего отца, но порожденной не социально-историческими катаклизмами Первой и Второй мировых войн, а нежеланием заботиться о последующем поколении. Эта тема особенно широко представлена в англо-американских исследованиях, например, в работе Д. Попеное «Жизнь без отца» [31], усматривающих в отсутствии отца такие последствия, как дефицит социализации и различную криминальную деятельность, от употребления наркотиков до уличного насилия. Примерно та же дефицитарная парадигма вплоть до 1980-х годов использовалась и в анализе практик разведенных и не заботящихся о детях отцов. Эффекты депривации детей «плохих отцов» (bad dads), которые после развода больше не заботились о своем потомстве, анализировались у Ф. Фюрстенберга [10]. Та же негативная тень ложилась и на отцов, сохранявших контакты с детьми, но только преимущественно развлекательно-досуговой направленности, в уикенд, — «Disneyland dads». Смена парадигмы, содержащей оценочные характеристики, привела и к иному исследовательскому профилю, более прагматичному и интегрирующему разные поля отцовских практик в круг нормативного отцовства. Так, в исследованиях Мариам Тацци-Преве осуществлялся анализ того, при каких условиях и в каком объеме отцы контактируют со своими детьми [41]. Было обнаружено, что дети только выигрывают когнитивно и эмоционально, если после развода отец осуществляет значимую часть повседневной родительской работы в рамках модели проживания на два дома, а не только исполняет роль кормильца [40].

Наконец, как реакция на общественный интерес к фигуре отца, эгалитарным, современным, новым вариациям отцовства Хайнцем Вальтером было предложено более трезвое, прагматичное обозначение *достаточно хороший отец* [43]. Эта позиция легитимирует перспективу изучения нового отцовства и социетальных условий его более широкой реализации.

В заключение вернемся к исследованию К. Борн и Х. Крюгер, вернее, к их выводу о том, что фиксируемая во многих исследованиях потребность молодых отцов шире участвовать в семейной жизни разбивается «о границы института рынка труда» [4, S. 117]. «Новые формы отцовства должны быть не только нормативно желаемы, но и соответственно фактически оформлены — вразрез с существующей структурой рынка труда» [4, S. 138]. Но не только в этом дело. Как полагает Михаэль Мойзер, расширение социального ангажмента отцовства зависит и от готовности женщин выпустить ряд домашних обязанностей из своих рук [27, S. 146], то есть одновременно и расстаться с долей влияния, авторитета внутри семьи. Поэтому не последнюю роль играют желания и страхи самой жен-

щины относительно ее роли «хорошей матери» [22, р. 147], авторитет которой зиждется на исполняемых ею функциях внутри домохозяйства, связанных с этим компетенциях, равно как и с их отсутствием у других членов семьи. Ядро унаследованного от буржуазного общества проекта маскулинной идентичности — профессиональная ориентация в ущерб семейной. Но, как известно, в семейных парах доминирующего типа — с двойной карьерой и двойным доходом — профессиональная деятельность больше не является прерогативой мужчин, более того, для женщин выход на рынок труда и конкуренция с мужчинами имеет позитивную коннотацию завоевания, эмансипации. Напротив, мужская «приватизация» как вовлечение отцов в мир семьи и воспитания детей наступают на сами основы маскулинной идентичности, конфронтируя с концептом гегемонной маскулинности и гомосоциальности. Может быть, именно через либерализованное отцовство, выходящее за рамки гомосоциальности и предполагающее отказ от иерархий в семейном кругу, этот разрыв возможно будет сократить? Исходя из описанных выше тенденций, как нам кажется, новое отцовство может приобрести большее влияние и практику, если в публичном дискурсе одновременно будут обсуждаться возросшие ожидания к отцовству и институциональные возможности для его реализации в новых формах. Пока же сам повседневный мир семьи поддерживает традиционный расклад ожиданий. Кроме того, как мы знаем, решающим условием для принятия решения о семейной жизни для мужчины является полная трудовая занятость, если же эффекты деинституционализации жизненного пути приводят к разрушению нормализованных биографий с полной занятостью, хотя и с адаптацией к рискам, это, скорее всего, негативно скажется на готовности к новым практикам отцовства.

Для дальнейшей эмпирической работы по социологическому изучению феномена отцовства, как нам кажется, важно задаться следующими вопросами. Каков, прежде всего, специфический вклад отцов в социализацию детей сегодня? Какова отцовская компетенция? Имеет ли женская тема совмещения профессиональной занятости и семейных обязанностей «мужское» прочтение в российском контексте? Почему модели «отец-кормилец», «мать-домохозяйка» по-прежнему сверхэксплуатируются в рекламе? Наконец, сколько необходимо обществу «отца», отцовского присутствия в семье, не по остаточному принципу, а нормативно?

ЛИТЕРАТУРА

1. Урланис Б. Берегите мужчин! // Литературная газета. 1968. 26 июля.

2. *Ходоров Н.* Психодинамика семьи // Хрестоматия феминистских текстов. Под ред. А. Темкиной и Е. Здравомысловой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 140–165.
3. *Badinter E.* Die Mutterliebe: Geschichte eines Gefühls vom 17. Jahrhundert bis heute. München: Zürich: Piper, 1981.
4. *Born C., Krüger H.* Vaterschaft und Väter im Kontext sozialen Wandels. Über die Notwendigkeit der Differenzierung zwischen strukturellen Gegebenheiten und kulturellen Wünschen // Männer als Väter. Sozialwissenschaftliche Theorie und Empirie / Walter Heinz (Hrsg.). Gießen: Psychosozial-Verlag, 2002. S. 117–143.
5. *Bourdieu P.* Die maennliche Herrschaft // Ein alltaegliches Spiel. Geschlechterkonstruktion in der sozialen Praxis / Ed. by I. Doelling, B. Kraus. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1997. S. 153–217.
6. *Bürgisser M.* Egalitäre Rollenteilung. Erfahrungen und Entwicklungen im Zeitverlauf. Zürich: Verlag Rüegger, 2006.
7. *Dollahite D.C., Hawkins A.J., Brotherson S.E.* Fatherwork: A conceptual ethic of fathering as generative work // Generative fathering: Beyond deficit perspectives / Ed. by A.J. Hawkins and D.C. Dollahite. California: Thousand Oaks, 1997. P. 17–35.
8. *Fthenakis W.E.* Mehr als Geld? Zur (Neu-)Konzeptualisierung väterlichen Engagements // Mutterschaft, Vaterschaft / W.E. Fthenakis, M.R. Textor (Hrsg.). Weinheim: Beltz Verlag, 2002. S. 90–119.
9. *Fthenakis W.E.* Die Rolle des Vaters. Forschungsergebnisse und Perspektiven für eine neue Familienpolitik // Vater, Sohn und Männlichkeit. Wie der Mann zum Mann wird / Hofer Markus (Hrsg.). Kevelaer: Verlag Butzon & Bercker, 2008. S. 63–89.
10. *Furstenberg F.* Good dads-bad dads // The changing American family and public policy / Ed. by A. Cherlin Washington, DC: Urban Institute Press, 1988. P. 193–218.
11. *Gampert C.* «Der entmachtete Vater» // Kursbuch 140 «Väter». Reinbek: Rowohlt, 2000. S. 161–169.
12. *Gross M.* Familien im Wandel — Ein historischer Abriss der Familie ab dem 18. Jahrhundert bis heute // Familie — woher, wohin? Lebensformen im Wandel der Zeit. Dokumentation einer Konferenz. Weimar: Druckerei Schöpfel, 1996. S. 5–16.
13. *Gumbinger H.-W., Bambey A.* Vaterschaft zwischen Norm und Selbstbestimmung? // WestEnd Neue Zeitschrift für Sozialforschung. 2007. Jg. 4. H. 1. S. 92–101.
14. *Hildebrandt E.* Balance between work and life — new corporate impositions through flexible working time or opportunity for time sovereignty? // European Societies. 2006. Vol. 8. No. 2. P. 251–271.
15. *Hildebrandt E., Litting B.* Concepts, approaches and problems of work-life balance // European Societies. 2006. Vol. 8. No. 2. P. 215–222.
16. *Hofer M.* Vorwort // Vater, Sohn und Männlichkeit. Wie der Mann zum Mann wird / Hofer Markus (Hrsg.). Kevelaer: Verlag Butzon & Bercker, 2008. S. 1–7.
17. *Jurczyk K., Lange A.* Vaterwerden und Vatersein heute. Neue Wege — neue Chancen! Gütersloh: Verlag Bertelsmann Stiftung, 2009.

18. *Kimmel M.* Manhood in America: A cultural history. New York: Free Press, 1996.
19. *Klitzing K von.* Vater — Mutter — Säugling. Von der Dreierbeziehung in den elterlichen Vorstellungen zur realen Eltern-Kind-Beziehung // Männer als Väter. Sozialwissenschaftliche Theorie und Empirie / Walter Heinz (Hrsg.). Gießen: Psychosozial-Verlag, 2002. S. 783–810.
20. *Lange A., Zerle C.* Väter im Familienalltag. Die Kluft zwischen Einstellung und Verhalten // BZgA Forum Sexualaufklärung und Familienplanung. 2008. H. 2. S. 17–20.
21. *Leitner A., Wroblewski A.* Welfare states and work-life balance. Can good practices be transferred from the Nordic countries to conservative welfare states? // European Societies. 2006. Vol. 8. No. 2. P. 295–317.
22. Constructing fatherhood: discourses and experiences / Ed. by D. Lupton, L. Barclay London: Thousand Oaks, 1997.
23. *MacInnes J.* Work-life balance in Europe: a response for the baby bust or reward for the baby boomers? // European Societies. 2006. Vol. 8. No. 2. P. 223–249.
24. *Martin R.* Väter im Abseits. Mutter und Kind in der vaterlosen Gesellschaft. Stuttgart: Klett-Cotta, 1979.
25. *Matzner M.* Vaterschaft aus der Sicht von Vätern. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004.
26. *Mitscherlich A.* Auf dem Weg zur vaterlosen Gesellschaft. Ideen zur Sozialpsychologie. München: Piper, 1963.
27. *Meuser M.* Vereinbarkeit von Beruf und Familie — ein Problem für Männer? Familie und Lebensverlaufsplanung bei Männern // Demographisierung des Gesellschaftlichen. Analysen und Debatten zur demographischen Zukunft Deutschlands / Eva Barlösius / Daniela Schiek (Hrsg.). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. S. 135–150.
28. *Ostner I.* A new role for fathers? The German case // Making men into fathers: Men, masculinities and the social politics of fatherhood / Ed. by B. Hobson. West Nyack, NY: Cambridge University Press, 2002. P. 150–167.
29. *Petzold M.* Vorbereitete und unvorbereitete Väter fünf Jahre nach der Geburt des ersten Kindes // Psychologie in Erziehung und Unterricht. 1991. H. 38. S. 263–271.
30. *Petzold M.* Paare werden Eltern. 2 Aufl. St. Augustin: Gardez-Verlag, 1998.
31. *Popenoe D.* Life without father: Compelling new evidence that fatherhood and marriage are indispensable for the good of children and society. New York: The Free Press, 1996.
32. *Popp C.* Väter gewinnen. Vernetzung und Coaching von Männern in der Haus- und Familienarbeit. Projektevaluation und Schlussbericht. Kurzfassung. Trogen: UniPress, 2007.
33. *Rosenbaum H.* Proletarische Familien. Arbeiterfamilien und Arbeiterväter im frühen 20. Jahrhundert zwischen traditioneller, sozialdemokratischer und kleinbürgerlicher Orientierung. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1992.

34. Leben mit Kindern in einer veränderten Welt. Einstellungen und Lebensplanung von Eltern im Ost-West Vergleich / J. Sass, M. Jaeckel (Hrsg.). München: DJI Verlag Deutsches JugendInstitut, 1998.
35. *Schmitt C., Winkelmann U.* Wer bleibt kinderlos? // Sozialstrukturelle Daten zur Kinderlosigkeit von Frauen und Männern. Discussion Paper 473, Februar 2005. Berlin. Deutsches Institut für Wirtschaftsforschung (DIW).
36. *Schmidt-Denter U.* Die soziale Umwelt des Kindes. Berlin: Springer, 1984.
37. *Schneider W.* Die neuen Väter. Chancen und Risiken. Zum Wandel der Vaterrolle in Familie und Gesellschaft. Augsburg: AV-Verlag, 1989.
38. *Schütze Y.* Die gute Mutter. Zur Geschichte des normativen Musters «Mutterliebe». Bielefeld: Kleine, 1986.
39. *Seward R.R., Richter R.* International research on fathering: An expanding horizon // *Fathering*. 2008. Vol. 6 (2). P. 87–91.
40. *Sieder R.* Patchworks — das Familienleben getrennter Eltern und ihrer Kinder. Stuttgart: Klett-Cotta, 2008.
41. *Tazi-Preve M. u.a.* Väter im Abseits. Zum Kontaktabbruch der Vater-Kind-Beziehung nach Scheidung und Trennung. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007.
42. *Thomä D.* Väter. Eine moderne Heldengeschichte. München: Hanser, 2008.
43. *Walter H.* Das Echo der Vatersuche // *Vater, wer bist du? Auf der Suche nach dem «hinreichend» guten Vater* / Walter Heinz (Hrsg.). Stuttgart: Klett-Cotta, 2008. S. 9–44.
44. *Williams S.* What is fatherhood? Searching for the reflexive father // *Sociology*. 2008. Vol. 42. No. 3. P. 487–502.
45. *Zerle C., Krok I.* Null Bock auf Familie? Der schwierige Weg junger Männer in die Vaterschaft. Gütersloh: Verlag Bertelsmann Stiftung, 2008.